

Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского*

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

Future Anterior in the Document Language of the Grand Duchy of Lithuania

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена семантике и дистрибуции форм предбудущего времени в деловом языке Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. В центре внимания — конструкция, состоящая из презенса вспомогательно-го глагола от основы *буд-* и л-причастия (*буду* + л-причастие). Работа выполнена на материале Литовского Статута 1588 г. и более чем 900 грамот и судебных дел Великого княжества Литовского. Автор показывает, что в деловом западнорусском языке предбудущее лицензируется контекстами со снятой утвердительностью (условный протасис, дизъюнкция, косвенный вопрос, предикат пропозициональной установки и др.). Во многих случаях возможность употребления предбудущего определяется также итеративным,

* Автор выражает глубокую признательность Сергею Владимировичу Полехову (ИРИ РАН) за предоставление изданий западнорусских текстов и сердечную благодарность анонимному рецензенту журнала «Словѣне» за ценные замечания. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ: проект № 17–34–01061–ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

Цитирование: Пенькова Я. А. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 170–191.

Citation: Penkova Y. A. (2020) Future Anterior in the Document Language of the Grand Duchy of Lithuania. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 170–191.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.8

хабитуальным, экспериенциальным значениями или множественностью объектов-участников ситуации. В некоторых контекстах предбудущее может быть объяснено исключительно синтаксическими правилами, а именно, его употребление вызвано не чем иным, как зависимым характером клаузы. Такая особенность сближает предбудущее с французским или латинским конъюнктивом на поздних стадиях грамматикализации этих наклонений. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского также может иметь дискурсивные употребления, т. е. подвергаться прагматикализации. В этом случае эта конструкция превращается в показатель косвенного речевого акта, используемого говорящим для опровержения свидетельства его оппонента. Западнорусский оказывается языком с широким употреблением такого дубитативного предбудущего, что делает его уникальным на славянском и общеевропейском фоне.

Ключевые слова

предбудущее (второе будущее), западнорусский язык, темпоральность / аспект / модальность, дубитатив, снятая утвердительность, экспериенциальное значение

Abstract

The paper deals with the semantics and the distribution of the future anterior in the 14th–16th century official writing of the Grand Duchy of Lithuania. The paper focuses on the construction which comprises a perfective present form of the auxiliary *be* (*bud-*) and an *l*-participle. The paper takes into consideration data from more than 900 charters as well as from the Lithuanian Statute of 1588. The author claims that the future anterior in official Ruthenian is licensed by contexts with suspended assertion (conditional, disjunction, indirect question, propositional predicate, etc.). In most other cases, it is powered by iterative, habitual, or experiencer meanings, or by the multiplicity of the objects involved in the situation. In some contexts, the use of the future anterior is defined exclusively by syntactic rules, i. e., the use in the dependent clause. In this respect, the future anterior is similar to the French subjunctive and the Latin conjunctive at their later stages of grammaticalization. The future anterior in official Ruthenian may also acquire a particular discourse function, i. e., undergo pragmatization, which results in the ability of the future anterior to mark an indirect speech act of disproof or cancellation of what was evidenced by the opponent. Ruthenian turns out to be a unique language across Slavic and SAE to feature a widely used dubitative future anterior.

Keywords

future anterior, Ruthenian language, tense-aspect-modality, dubitative, suspended assertion, experiencer meaning

1. Предварительные замечания

Настоящая работа посвящена особенностям употребления форм т. н. предбудущего времени (второго будущего, сложного будущего II) в деловой письменности Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. Фор-

мы предбудущего, о которых пойдет речь, представляют собой аналитическую конструкцию, возникшую еще в праславянском языке. Она образовывалась с помощью вспомогательного глагола от основы *буд-* (*bǫd-) в форме презенса и л-причастия (ниже – *буду* + л-причастие), ср.:

- (1) Аще по моемъ ѿшествнн свѣта сего аще БУДУ Бѹ ОУГОДНАЪ н ПРНЦАЪ МА БУДЕТЬ БѢ, то по моемъ ѿшествнн мапастырь сѧ научеть стронти н прнбывати в немь¹
(Повесть временных лет [Ипат. лет., ок. 1425 г.: 69]).

Интерес к предбудущему в деловой письменности Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) вызван несколькими соображениями. Первой причиной является малоисследованность этой конструкции в западнорусском языке. В то время как предбудущее в древнерусской и старовеликорусской письменности изучено подробно², эта же конструкция, не менее широко представленная в деловых памятниках ВКЛ, до сих пор отдельно не рассматривалась. Х. Станг вовсе не упоминает предбудущее в описаниях делового языка ВКЛ [1935; 1939]. Некоторые сведения о функционировании конструкции *буду* + л-причастие в Литовском Статуте 1588 г. содержатся в монографии В. Мякишева, посвященной языку этого памятника [2008]. Однако семантика перифразы в названном исследовании описана предельно лаконично: «выражает значение преждебудущего» [Ibid.: 305]. Тот же тезис воспроизводится и Е. А. Смирновой в диссертации, посвященной глагольной системе простой мовы [2011: 145–146]. При этом, как показывает материал западнорусской письменности, мы едва ли сможем встретить в письменности ВКЛ конструкцию *буду* + л-причастие в значении «преждебудущего», т. е. в таксисном значении предшествования одной ситуации другой в будущем, не осложненной какими-либо модальными наращениями (см. ниже).

Известны и другие исследования, в которых упоминается предбудущее в западнорусском деловом языке. Авторы исторических грамматик, как правило, ограничиваются лишь несколькими примерами из текстов XIV–XVI вв. [Жовтобрюх et al. 1980: 215–216]. В [Янкоўска 1983: 201–202] указано, что предбудущее в старобелорусском языке с XVI в. начинает выходить из употребления, что, как будет показано ниже, также не подтверждается данными источников. В статье М. Юрковского, посвященной аналитическому будущему в староукраинском

¹ Древнерусские примеры приводятся в соответствии с орфографией, принятой в соответствующем издании.

² На материале деловой и бытовой письменности предбудущее в древнерусских памятниках описано в [Пенькова 2012], на материале переводных памятников — в [Eadem 2014; Eadem 2018], в среднерусском языке XV–XVI вв. — в [Andersen 2006], [Пенькова 2010; Eadem 2019c].

языке [1991], рассматривается частотность различных перифрастических конструкций с референцией к будущему. Однако их семантика и характер употребления не описаны вовсе; кроме того, в указанной работе отсутствуют и точные ссылки на источники. Более подробное описание того, как употребляются формы предбудущего в старобелорусских памятниках, представлено в [Бевзенко 1960: 327–329] и, в особенности, в [Булыка et al. 1988]. В последней работе показано, что в западнорусской письменности в рассматриваемый период мы имеем дело фактически с двумя разными конструкциями, структурно чрезвычайно близкими. С одной стороны, в деловых памятниках ВКЛ продолжает употребляться конструкция *буду* + *л*-причастие, восходящая к праславянскому предбудущему и образующая формы от глаголов обоих видов (СВ и НСВ). Эта конструкция, как и предбудущее в древнерусском языке, фиксируется в основном в зависимых типах клауз (условном протасисе, соотносительных придаточных, косвенном вопросе), ср:

- (2) Такимъ же обычаемъ и жоны, естли **будуть** не **ведали** таковое здрады мужов своих, таковыя в томъ **будуть** заховани, яко в третемъ арътыкуле сего розделу о такихъ есть написано³.
[Литовский Статут 1588];
- (3) А если бы дети, будучы волни, а хотели прочь пойти, тогды... мають пойти прочь, толко землю пану своему подати з жытомъ засеянъмъ, и съ хоромами, и с тымъ зо всим, с чымъ хто **будеть** тую землю пана своего на службе **взяль**.
[Литовский Статут 1588].

С другой стороны, в переводах на просту мову в рассматриваемый период встречается также *новая* конструкция, структурно аналогичная *старой*, однако ограниченная исключительно формами от имперфективных основ. Эта конструкция представляет собой или заимствование из польского языка, или же «бывшее» предбудущее, переориентированное на польскую модель:

- (4) Кто пакъ з ва(с), маючи слоугоу, а онь ореть або волы пасеть, а коли бы с поля пришь, и не рече(т) ему: борзо съдь за сто(л), але речеть ему: зготовай ми што **буду вечеряль** [ср. польск. **będę wieczerał**] ‘кто же из вас, имея слугу, который пашет или пасет волов, и когда [тот] пришел с поля, не говорит ему: скорее сядь за стол, но говорит ему: приготовь мне, что я буду ужинать’⁴.
[Пересоп. ев. 1556–1561 гг., 295–295 об.];

³ Здесь и далее примеры из западнорусских памятников цитируются в упрощенной орфографии.

⁴ Цитаты снабжаются переводами выборочно только в случае возможных затруднений в понимании текста читателем. В квадратных скобках дается комментарий к тексту, который может содержать уточнения, облегчающие понимание цитаты, а также библейские параллели к тексту. В данных примерах в

- (5) Шалъйте як хочете, однак не **будете могли** [ср. польск. **nie będziecie mogli**] завстегнути духа [ср. Экл. VIII, 8] (Креховский Апостол 1560 г. [Огиенко 1930: 387]);
- (6) Буду тут ажъ до вечера **лежал** [ср. польск. **będę leżał**] (Сборник № 82 XVII в., 3336 [Булыка et al. 1988: 188]).

В деловую письменность такая полонизированная конструкция (*буду* + л-причастие НСВ), очевидно, проникала существенно позднее, нежели в переводы (о постепенной полонизации простой мовы на протяжении XVI–XVII вв. см.: [Мозер 2002]).

Поскольку в перечисленных выше работах не ставилась задача подробно описать употребление конструкции *буду* + л-причастие, выводы, полученные авторами, нуждаются в существенной корректировке и дополнении.

Второй причиной, вызвавшей интерес к материалу западнорусской письменности XIV–XVI вв., послужило то, что деловые тексты ВКЛ фактически являются уникальным источником, отражающим дальнейшую эволюцию восточнославянского предбудущего. В московской (и в целом старовеликорусской) письменности в XVI в. конструкция *буду* + л-причастие уже практически выходит из употребления⁵, а вспомогательный глагол превращается в условный союз *будет* (первые примеры рассогласования между вспомогательным глаголом и л-формой встречаются уже в первой половине XV в., наибольшее распространение условный союз получает в XVII в. ([Пенькова 2019с]), о союзе *будет* см. также: [Шевелева 2008]). Напротив, в деловой письменности ВКЛ предбудущее продолжает употребляться на протяжении всего XVI в., не обнаруживая признаков синтаксического реанализа, ср. «верное» употребление в (7) и нарушение согласования в (8):

- (7) И то все, што **будуть** у пана того своего запоможенъ **взяли**, запълатити. [Литовский Статут 1588];
- (8) А у кого **будет** [вм.: будем] мы тое землю **заложили** в деньгах или Прокофей заложил, — и нам та земля очищати, а Давыда ни довести убытка никоторого. (1550–1551 гг. Купчая Давыда Иванова с. Бартенева на купленные у игумена Филарета и старцев Сторожевского монастыря дер. Гужево и Два Луковникова... [НКРЯ]).

комментариях также приводятся аналогичные конструкции в польском языке, не являющиеся параллелями из польских оригиналов.

⁵ В северо-западных великорусских говорах, имеющих т. н. *новый перфект*, обнаруживается и *новое предбудущее*, использующее действительное причастие прошедшего времени на *-вши*. Однако такие конструкции более позднего происхождения и в памятниках письменности не зафиксированы, да и в современных говорах чрезвычайно редки, ср.: *грибы не будут прошотци* [Кузьмина, Немченко 1971: 181].

Однако дальнейшая судьба предбудущего в диалектах староукраинского и старобелорусского языков действительно была связана с переориентацией на польские образцы, благодаря которой конструкция *буду* + *л*-причастие стала употребляться исключительно с формами *л*-причастий от глаголов НСВ [Булыка et al. 1988: 187–188]. Такие конструкции до сих пор употребительны в юго-западных и западнopolесских говорах украинского языка [Бандрівський 1960: 72–73; Жилко 1966: 100–101] и в западной разновидности украинского литературного языка [Русанівський 1971: 250].

2. Материал исследования

В настоящем исследовании мы сознательно ограничили себя только материалами деловой письменности, поскольку переводные и в целом более книжные западнорусские тексты свидетельствуют об ином характере употребления *буду* + *л*-причастие, нежели тексты деловые (см. об этом выше). Материалом настоящего исследования послужили староукраинские грамоты XIV–XV вв. (по изданиям [Пещак 1974; Русанівський 1965]), Полоцкие грамоты XIV–XVI вв. (по изданию [Хорошкевич et al. 2015]), Первая книга судных дел 1510–1517 гг. в составе Литовской метрики (по изданию [РИБ]), Литовский статут 1588 г. (по электронному изданию). Деловая письменность ВКЛ представляет собой огромный массив текстов, поэтому было принято решение ограничиться лишь несколькими *срезами* эпохи: XIV–XV вв. (издания староукраинских и полоцких грамот), первая четверть XVI в. (Полоцкие грамоты и Первая книга судных дел Литовской метрики) и последняя четверть XVI в. [Литовский Статут 1588].

Общий объем обработанного материала составил более 900 грамот, в которых было обнаружено 212 примеров употребления форм предбудущего — количество, весьма показательное для конструкции, в целом довольно редкой в письменности.

Таблица 1

Количество употреблений предбудущего в деловых текстах ВКЛ XIV–XVI вв.

Количество примеров в текстах XIV–XV вв.	26
Количество примеров в текстах XVI в.	186
Всего	212

Количество примеров, в которых встречается конструкция *буду* + *л*-причастие, распределяется по текстам неравномерно. В целом можно отметить маргинальность предбудущего в ранних памятниках XIV–XV вв.

и существенный рост частотности в текстах XVI в., заметный даже на ограниченном числе источников. Такой рост может свидетельствовать, с одной стороны, о большей грамматикализации конструкции, с другой стороны — о ее закреплении в деловом формуляре этого периода.

3. Семантика и дистрибуция

Конструкции, аналогичные славянскому предбудущему, широко известны в других европейских языках (ср. *future perfect* в английском, *futur antérieur* во французском языке). В базовом употреблении они симметричны перфекту и называют результат в будущем или предшествование в будущем, ср. предбудущее в английском языке:

(9) By the time you read this I **will have left** you.

Восточнославянское предбудущее, в отличие от своих структурно-функциональных соответствий в других европейских языках, почти не знало таких — чисто таксисных — употреблений (см. об этом подробнее в [Пенькова 2014; Eadem 2018; Eadem 2019a]). Напротив, важную роль в употреблении этой конструкции играли условные контексты: условный протасис (10) и семантически близкие к условным соотносительные придаточные (11), реже — аподосис условного предложения (12). Кроме того, в независимой клаузе предбудущее могло выражать предположение о событии в прошлом (13):

(10) да аще БУДЕТ еднн кралъ, то гривну и 30 рѣзанъ платити ему, нан нхъ БУДЕТ 18, то по 3 гривныѣ и по 30 рѣзанъ платитѣ — ‘и если **окажется**, что один **крал**, то гривну и 30 резан платить ему, если же их окажется 18, то по 3 гривны и по 30 резан платить’
(Русская Правда [НПЛК XV в.: 81 об.]);

(11) Аще кто челядинъ понятн хоцеть познавъ свон, то ко оному вестн н, у кого то БУДЕТ купцалъ — ‘если кто-нибудь, узнав своего слугу, захочет забрать его, то вести его к тому, у которого **купил**’
(Русская Правда [НПЛК XV в.: 80 об.]);

(12) аще ли того не сътвориши. то паки вѣдешн вѣспать шъль въ самароу — ‘если ты этого не сделаешь, то обратно **пойдешь** в Самарру’
(Чудеса Николы XII в. [НКРЯ]);

(13) Снѣ, аще члвкѣ въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помнади его, зане не онъ то створилъ: оубожество принѣдано и вѣдетъ — ‘сын, если человек украдет, будучи беден, то помилуй его, так как не он сделал это: **должно быть**, бедность **вынудила** его’
(Повесть об Акире Премудром XV в. [НКРЯ]).

В славистике известно два основных подхода к интерпретации славянского предбудущего: темпорально-таксисный, рассматривающий эту форму, прежде всего, как средство выражения таксисного значения предшествования в будущем, и модальный, рассматривающий ее как конструкцию с эпистемическим значением или даже как «предположительное наклонение» (см. обзор библиографии в [Пенькова 2014]; о свидетельствах в пользу второго подхода см.: [Eadem 2018], отдельно о проблеме «время или наклонение» см.: [Eadem 2019a]). В настоящей работе будут рассмотрены некоторые новые свидетельства, которые содержат деловые тексты ВКЛ, в пользу того, что славянское предбудущее обладало рядом свойств, сближающих его с предположительным наклонением.

Начиная с влиятельных работ Г. Рейхенбаха, семантика аспектуально-таксисных показателей описывается при помощи таких понятий, как *время речи*, *время события* и *время отсчета* [Reichenbach 1947]. Впоследствии Клейн скорректировал схему Рейхенбаха и вместо *времени отсчета* ввел другое понятие — *время ассерции* (*topic time*), т. е. временной промежуток, относительно которого делается утверждение [Klein 1994]. Апеллируя к *времени ассерции*, можно предложить простое объяснение различным типам употребления форм предбудущего времени.

В том случае, когда предбудущее обозначает событие, расположенное в будущем относительно момента речи и предшествующее другому событию в будущем (т. е. употребляется в своей базовой функции), — как *время события* (С), так и *время ассерции* (А) располагаются после момента речи (Р), непосредственно следуя друг за другом, ср. рис. 1:

Рис. 1. Предбудущее в базовой функции

Однако в западнорусской деловой письменности конструкция *буду* + *л*-причастие употребляется преимущественно для обозначения событий, целиком отнесенных в прошлое, т. е. предшествующих моменту речи. При этом время события (С) расположено до момента речи (Р), а время ассерции (А) все так же отнесено будущему, ср. рис. 2:

Рис. 2. Предбудущее с референцией к прошлому

Последняя схема (рис. 2) показывает разрыв между временем события (С) и временем асертции (А). Такая ситуация как раз и рождает особый эффект *отложенной реализации* и *эпистемической дистанции*: говорящий по каким-то причинам не может или не хочет утверждать, но лишь предполагает вероятность события С, поскольку не обладает о нем полной информацией и относит момент получения полной информации или ее верную интерпретацию к будущему (см. также: [Пенькова 2019b]), ср.:

(14) Отрѣшимо замокъ да увидимъ тать ли **будет** влѣзълъ или инъ хто **вошел** **будет** — ‘откроем замок и посмотрим, вор ли **залез** или кто-нибудь другой **вошел**’
(Чэця 93b 1489 г. [Булыка et al. 1988: 187]);

(15) А повѣдаетьс(а), и вам, ратманом, жаловалса. И вы ему и бирича дали. И тот Пашко и с вашим биричом своег(о) виноватца инал. Ино тог(о) виноватца приход Гарман да силою отнал. С вашим ли вѣдомомъ **будет(ь)** тое **оучинил?** — ‘он и вам, ратманам, жаловался, и вы дали ему бирича, и тот Пашко с вашим биричем своего ответчика поймал, но Гарман, придя, того ответчика отнял силой. С вашего ли ведома он это **сделал?**’
(1451–1459 гг. Послание наместника пол. воеводы Андрея Саковича Верькстня (?), пол. бояр, местичей и «всего поспольства» г. Полоцка совету г. Риги с требованием выдать ответчика по делу смольнянина Пашка [Хорошкевич et al. 2015: 134]).

В (14) форма предбудущего называет событие, которое произошло до момента речи, однако говорящему неизвестно, какой из альтернативных вариантов соответствует действительности (вошел ли вор или кто-то другой), полная информация будет получена только в будущем. Схожая ситуация представлена и в (15): говорящему неизвестен один из ее аспектов (‘с вашего ведома или без вашего ведома’).

3.1. Предбудущее и снятая утвердительность

На основе данных деловых памятников ВКЛ XIV–XVI вв. можно выделить несколько контекстуальных маркеров *снятой утвердительности*, сопровождающих такое эпистемическое употребление предбудущего с референцией к событиям в прошлом, до момента речи (о маркерах снятой утвердительности см.: [Падучева 2018]): *общий или частный вопрос* (пример 15 выше), *клауза, зависящая от предиката пропозициональной установки* (16), *условный союз* (17), *контекст дизъюнкции* (например, *разделительный союз*) (18), ср.:

(16) И Олешко Мотовичъ а Окула Мишковичъ перед нами мовили: мы того *не вѣдаемъ*, какъ они **будуть** за отцомъ вашимъ Семѣномъ Вколовымъ а зъ Ивашкомъ Матовымъ въ праве **стояли** — ‘Олешко Мотович и Окула

Мишкович при нас сказали: мы того не знаем, как они судились с вашим отцом Семеном Вколовым и с Ивашком Матовым' (1514 г. № 69 Решение по жалобе Святоши и дворян Вколовичей на людей своих Негневитских за отказ их от службы [РИБ 20: 91]);

(17) И мы ему велели имъ служить добровольне, а какъ усочеть пойти прочь, мають его отпустить. А што ся дотычетъ шатра, *если* **будеть** его Южно не **сказиль** чимъ, маеть его Миколай взять; а *если* **будеть згноиль** або **содраль**, маеть ему такъ добрый шатерь дати, какой пограбилъ въ него — 'и мы ему велели служить добровольно, а когда пожелает уходить, обязаны его отпустить. А что касается шатра, если Южно его ничем не испортил, может его Миколай взять, а если [Южно его] испортил или порвал, должен ему такой же неиспорченный шатер дать, какой у него украл' (1515 г. № 171 Присуждение с боярина Юхна Станковича денежного вознаграждения в пользу тяглого человека Петреля за нанесение ему побоев, ран и присвоение вещей [РИБ 20: 230]);

(18) А *если* бы который приржонный братъ албо дядко, або который ли будь з роду утеклъ до земли неприятеля нашего и земль поганьскихъ неприятельскихъ, тогды делница, то есть част[ь] его, **будеть** ли выделена **была**, *альбо* и не выделена, спадываетъ на Реч Посполитую — 'а если чей-нибудь родной брат или дядя, или кто-нибудь другой из родственников убежит в землю неприятеля нашего или в землю нехристианскую, тогда надел его, то есть участок его, освобождена ли земля **была** или не освобождена, переходит во владение Речи Посполитой' [Литовский Статут 1588].

Однако этим характер употребления предбудущего в деловых памятниках ВКЛ отнюдь не ограничивается. Часть употреблений обнаруживается в контекстах, которые не содержат показателей снятой утвердительности. При этом в них речь также идет о событиях из плана прошлого. На первый взгляд появление конструкции *буду* + *л*-причастие, имеющей формальный показатель референции к будущему, в такого рода контекстах выглядит совершенно необъяснимым, ср.:

(19) Мещаном на будован(ь)е домов их и на кухню дерево великое и малое в селех и в борех брати около места за три мили... где здавна **бирали** **будуть** — 'Мещанам на строительство домов их и для кухонных нужд дерево большое и малое брать в селах и в лесах около города за три мили... где издавна **брали**' (1511 г. Уставной подтвердительный привилей кор. польск. и вел. кн. лит. Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка на пожалование вел. кн. лит. Александра магдебургского права и другие свободы [Хорошкевич et al. 2015: 649]).

В (19) речь идет о реальном, а не о потенциально возможном или предполагаемом событии в прошлом. Нельзя утверждать и того, что

один из аспектов ситуации говорящему неизвестен. Такая же ситуация и в примере (20), в которой идет речь о вполне реальном, а не гипотетическом или предполагаемом событии или же событии, один из аспектов которого неизвестен говорящему:

(20) Сказали есмо Рачку ему коня отдати... который въ него и теперь лицомъ... а за другого коня, который **будеть** въ него **вмеръ**, заплатити чотыри копы грошей — ‘велели мы Рачку отдати ему коня который у него и теперь имеется... а за другого коня, который у него **издох**, заплатити четьре копейки денег’ (1514 г. № 117 Решение по жалобе Степана Гродского на Бельского судью Юрия Рачка о самоуправстве [РИБ 20: 153]).

3.2. Предбудущее и нелокализованность во времени

Попытаемся все же предложить объяснение и для таких употреблений, как в 19 и 20. Как кажется, у подобных контекстов есть некоторые общие особенности, которые их объединяют и тем самым «оправдывают» появление в них форм предбудущего. И в (19), и в (20) конструкция *буду* + л-причастие называет события, не имеющие *конкретной временной локализации* (ср. обсуждение этой особенности для перфекта в старославянском в [Плунгян, Урманчиева 2017]). В (19) нелокализованность является следствием узуальной семантики л-формы (*бирали*)⁶, в (20) — характеристической семантики (*который будет вмеръ* ≈ умерший, мертвый): для говорящего не имеет принципиального значения, когда именно имела место ситуация, важно только то, что она имела место.

Можно выделить несколько типовых ситуаций, в которых предбудущее называет такое *нелокализованное* событие в прошлом:

- множественность ситуаций (итеративность или хабитуальность),
- экспериенциальное значение (сообщение о некотором опыте, полученном субъектом),
- ситуация-обобщение (контекст, подразумевающий множественность некоторых однородных объектов, удовлетворяющих некоторому условию).

Итеративность и хабитуальность, впрочем, также можно рассматривать среди маркеров снятой утвердительности (см. об этом: [Падучева 2015] — по отношению к неопределенным местоимениям на *-нибудь*). Приведем примеры для каждого из типов.

Множественность ситуаций (итеративность):

(21) Ино мы его жаловали: тые вси вышей писаные села, отчизну отца его, и выслугу, и куплю, и теж его куплю зъ землями пашными и бортными... и з

⁶ Ср. употребление конъюнктива вместо индикатива в итеративных контекстах в постклассической латыни [Ernout, Thomas 1964: 400].

бобровыми гоны, где **будет** отецъ его на себе бобры **биваль**, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ ему вечно, и его жоне, и их детемъ — ‘Мы его пожаловали теми всеми вышеуказанными селами, отчиной отца его, и тем, что он выслужил и купил, и купленное с угодьями пашенными и бортными... и бобровыми угодьями, где его отец **бивал** бобров, подтверждаем этим нашим листом навечно, и его жене и детям’

(1498 г. Подтвердительный лист вел. кн. лит. Александра боярину Полоцкого пов. Олферу Кортеневу на пожалование [вел. кн. лит. Казимира] отцу Олфера сельца Антоникова «вечно» [Хорошкевич 2015: 350]).

Экспериментальное значение:

(22) Которыи пѣрвое украдѣт, а дотоуль **будеть** не **крадывал**, ино за пѣрвою татбу виною его казнити — ‘который [человек] первый раз украдет, а до этого никогда не **крал**, то за первую кражу наказать его штрафом’ (1468 г. Судебник Казимира, 203b–204. [Булыка et al. 1988: 188]);

(23) Тежъ, што бояре полоцкии держат(ь) волостку Дрисецкую по годо, судат(ь) и радат(ь), ино которыи путники в той волости живут(ь), а **будут(ь)** их бояре **суживали**... ино и ныне бояре, которыи будут(ь) тую волостку держати, их судили по давно, але не мают(ь) их драпежити по давному — ‘Также, что касается волости Дрисецкой, которую держат бояре полоцкие, судят и управляют, то которые лица, получающие доход, живут в той волости, и если их бояре ранее **судили**... то и теперь бояре, которые будут держать эту волость, их судят по-старому, а не должны их по-старому грабить’ (1499 г. Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами и мещанами о компетенции местных властей [Хорошкевич 2015: 354]).

Ситуация-обобщение:

(24) А тыи, хто **будеть** земли **покупилъ** або **позакупалъ**, они мають на истцахъ пѣнязей своихъ смотрѣти, кому **будуть** пѣнязи **давали** — ‘А те, кто земли **купил** или **взял** в залог, они должны получать свои деньги [с тех], кому эти деньги **давали**’ (1514 г. № 69 Решение по жалобе Святоши и дворян Вколовичей на людей своих Негневитских за отказ их от службы [РИБ 20: 93]);

(25) А што **будут(ь)** мещане... в бояр **покупили** земли и дворы, то маемъ на обе стороне держати, не рухаючи — ‘А что касается земель и дворов, которые мещане... у бояр **купили**, то мы должны это соблюдать неизменно’ (1499 г. Приговор суда вел. кн. лит. Александра и панов рады по делу между пол. боярами и мещанами о компетенции местных властей [Хорошкевич 2015: 354]).

Таким образом, все эти ситуации объединены некоторым общим свойством: в них идет речь о множественности ситуаций, или различия по

единичности / повторяемости действия нейтрализованы. Так, экспериенциальное значение (ср. **будут(ь)** их бояре **суживали**) подразумевает, что ситуация имела место по крайней мере один раз, но могла и повторяться, ситуация-обобщение (ср. **будут(ь)** мещане... в бояр **покупили**) означает, что ситуация также могла быть как единичной, однако относиться к множеству неоднородных объектов, так и повторяемой (акт купли-продажи мог иметь место более чем один раз).

3.3. Роль синтаксических правил в употреблении предбудущего

Почти все употребления предбудущего в собранном нами корпусе примеров укладываются в предложенную выше классификацию (контексты со снятой утвердительностью и нелокализованные во времени контексты). Однако есть и небольшое количество исключений, в которых нет ни маркеров снятой утвердительности, ни нелокализованных ситуаций. В этих примерах предбудущее обозначает *конкретную локализованную* ситуацию в прошлом, ср.:

(26) И мы... велели есмо имъ тую землю очистити, выехавши на границы тое земли; а если бы они очистити тое земли не хотели, и они мають паней Войтеховой пенязи отдати, што **будуть** за тую землю **взяли** на рокъ *передъ Великимъ днемъ* — ‘И мы... велели им ту землю очистить [от претензий], выехав за пределы той земли, а если они не захотят очистить эту землю, то они должны отдать пани Войтеховой деньги, которые **взяли** за ту землю на год *перед Пасхой*’

(1515 г. № 159 Решение по жалобе жены Войтеха Нарбутовича на королевских бояр братьев Андреевичей, которые не хотят очищать проданного ей имения от предъявляемых претензий [РИБ 20: 212]);

(27) А которыи рѣчи ее *въ тотъ часъ* **будѣтъ** въ дому **побралъ**, на томъ она маеть право поднести от сихъ часовъ въ чотырехъ недѣляхъ — ‘И которые вещи ее [он] в то время в доме **поотбирал**, о том она имеет право заявить начиная с этих часов в течение четырех недель’

(1515 г. № 166 Дело Людмилы Сузиной с деверем своим Федором Сузиным о разных насилиях [РИБ 20: 223]).

По-видимому, в процитированных и подобных примерах действуют преимущественно *синтаксические* правила употребления предбудущего (контекст соотносительного придаточного оказывается достаточен для возможности употребить конструкцию *буду* + л-причастие), хотя и здесь, в особенности в (27), можно усматривать ситуацию-обобщение (ср. форму **побралъ**, подразумевающую дистрибутивность, т. е. множество неоднородных объектов, насильственно отобранных деверем). Весьма показательно, однако, что абсолютное большинство контек-

стов, в которых представлена конструкция *буду* + *л*-причастие, — это именно зависимые клаузы (прежде всего, соотносительные придаточные, как в примерах 26 и 27). Ниже в таблице 2 приведено количество примеров употребления предбудущего в различных типах клауз:

Таблица 2

**Распределение форм предбудущего
в различных типах клауз**

Типы клауз	Количество
Соотносительные придаточные	112
Общий вопрос	3
Косвенный вопрос	41
Условные придаточные	53
Уступительные придаточные	1
Главная клауза, контекст дизъюнкции ⁷	2
Всего	212

Абсолютное преобладание зависимых клауз, с одной стороны, и отсутствие специальных маркеров снятой утвердительности в ряде контекстов, с другой, свидетельствуют о том, что семантические основания употребления предбудущего уже начинают стираться, а основным мотивирующим фактором становится в первую очередь зависимый тип клаузы. Нечто подобное можно, к примеру, наблюдать в особенностях использования *subjonctif* (сослагательного наклонения) в современном французском языке, в котором формы этого наклонения зачастую выступают исключительно как показатели синтаксической подчиненности определенного набора предикатов или союзов [Touratier 2000: 167]. Другая аналогия — латинский конъюнктив, многие употребления которого также могли быть обусловлены исключительно зависимым характером клаузы [Ernout, Thomas 1964: 402–406].

Действие маркеров снятой утвердительности, с одной стороны, и «синтаксических» правил, с другой, служит еще одним подтверждением в пользу того, что восточнославянское предбудущее — по крайней мере в письменный период — не представляло собой форму относительного времени (другие аргументы в пользу такой трактовки см.: [Пенькова 2018; Eadem 2019a]). В противном случае такая эволюция была бы труднообъяснима.

⁷ Контекст дизъюнкции учитывался только в главной клаузе, хотя он также зачастую сопровождает контексты условного протасиса.

3.4. Предбудущее и дискурсивные функции

В судных делах Литовской метрики встречается особый тип употребления конструкции *буду* + л-причастие, который не был рассмотрен выше и который совсем не похож ни на то, как предбудущее употребляется в древнерусских памятниках, ни на приводимые выше примеры из деловых текстов ВКЛ. В этих контекстах предбудущее не называет ни потенциальное событие, ни реальное нелокализованное действие в прошлом, ни реальное локализованное событие в прошлом в составе зависимой клаузы, а используется для пересказа чужих слов и выражения сомнения, несогласия с утверждением о том, что некоторое событие действительно имело место, т. е. фактически — для передачи ирреальной модальности, ср.:

- (28) И [мы] спытали кончавых людей: што къ таму за отпоръ маеть? И яни [так!] рекли: мы, пановъ, жадного **есмо** ему кгвалту **не чинили**, кгвалтомъ **есмо** на дворець его **не находили**, а ни замковъ у свирновъ **есмо не отрубавали**... И Скромовский рекъ: естли **будетъ** вы моцью кгвалтомъ на мой дворець **не находили**, и челеди моее **не перебили**, и замковъ у свирновъ **не поотрубали**, — тотъ мой дворець стаить при вяликой дарозъ, а въ тотъ часъ тою дорогою ехали три члвки королевскии, люди добрьи, тыи лю[ди] тотъ кгваль видели, шлюся тѣперь на тыи люди добрьи. И Кончисъ самъ рекъ тымъ обычаемъ: милый пане Скромовский! Верю твоему сумнению: естли **будуть** тые люди мои тотъ кгваль **учинили**, и я тобѣ тыи люди шиemi выдаю, а платити тобѣ за нихъ кгвалту не буду — ‘и мы допросили людей Кончиса: какое возражение на это имеете? И они сказали: мы, господа, никакого разбоя **не чинили**, разбойного нападения на дворець его **не совершали**, замков у житниц **не сбивали**... И Скромовский сказал: если вы [говорите, что] на мой дворець разбойного нападения **якобы не совершали** и слуг моихъ **якобы не перебили**, и замков у житницъ **якобы не сбивали**, то [я возражу так:] мой дворець стоит у большой дороги, а в то время той дорогой ехали три королевских слуги, знатные люди, те люди тот разбой видели, ссылаюсь теперь на свидетельство тех людей. И Кончис сам сказал таким образом: дорогой пан Скромовский! Верю твоему сомнению: если [**окажется верным**], что те люди мои **учинили** тот разбой, то я тебе выдам их головами, а платить тебе за их разбой не буду’.
- (1510 г. № 52 Решение по жалобе боярина Скромовского на людей боярина Степана Кончиса, которые разграбили дом Скромовского под предлогом розыска данника [РИБ 20: 57]).

Судные дела — уникальный источник, передающий речь участников судебных разбирательств. Можно полагать, что эти тексты приближены к особенностям живого языка изучаемого периода, что позволяет говорить об особой дискурсивной функции, которую может развивать предбудущее.

В приведенном примере рассматривается дело об ограблении. При передаче речи стороны, обвиняемой в грабеже, но не признающей своей вины, используются формы перфекта (*есмо не чинили, есмо не находили...*). Потерпевший же, напротив, подвергает сомнению сказанное обвиняемыми и для того, чтобы подчеркнуть свое сомнение, использует формы предбудущего (*будете не находили, не перебили*), фактически добавляя к л-формам показатель референции к будущему (*буду, будешь* и под.), что и переводит называемую ситуацию в ирреальную.

Такие употребления, в которых предбудущее выражает *дубитативную* семантику, не являются исключительной чертой западнорусской деловой письменности. Они спорадически представлены уже в древнейших церковнославянских памятниках [Пенькова 2018]. Однако наиболее близким к рассматриваемым примерам из судебных дел является уникальный пример из берестяной грамоты № 531, в котором так же, как и в (28), идет речь о судебном разбирательстве и столкновении точек зрения обвиняемой и обвиняющей сторон. И здесь говорящий также «цитирует» своего оппонента, при помощи форм предбудущего маркируя несогласие с цитируемым, ср.:

(29) ѿ ане покло ко клнмате брате господнне попецалоун о моемо орудье коспѣтнн:оу... аже тн возомоловн коспѣтннѡ дала роукоу за зѣте ты же браце господнне моловн емо тако оже воудоу людн на мою сѣтроу оже воудоу людн прн комо воудоу дала роукоу за зѣте то те ѡ во внне — ‘От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Константином в моем деле... Если же скажет Константин: она **поручилась** за зятя, — то ты, господин братец, скажи ему так: если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком я [**якобы**] **поручилась** за зятя, то вина на мне’ (Берестяная грамота № 531 (1200-1220) [НКРЯ]).

Подробно этот пример рассмотрен в [Пенькова 2019a]. Показательно, что одна и та же ситуация названа в грамоте дважды: один раз с использованием перфекта (*дала роукоу за зѣте*), второй — с использованием предбудущего (*буду дала роукоу за зѣте*). Перфект передает точку зрения Константина, утверждающего, что Анна поручилась за зятя. Автор грамоты (Анна), напротив, дистанцируется от этой точки зрения с помощью перифразы *буду* + л-причастие (‘якобы поручилась’). Ровно такое же столкновение точек зрения и противопоставление форм перфекта и предбудущего имеет место в рассмотренном выше контексте (28) из Литовской метрики.

В ранних древнерусских памятниках такие дубитативные употребления предбудущего встречаются в количестве, сопоставимом со статистической погрешностью (фактически в оригинальных текстах зафиксирован только один такой пример), а в старовеликорусской

деловой письменности, в том числе при передаче свидетельских показаний в записи судебных дел, не встречаются вовсе. Напротив, в западно-русских судебных делах они приобретают характер довольно устойчивых дискурсивных формул: только в исследованных нами 385 документах (Первая книга судебных дел) обнаружено более таких 20 примеров (механизм развития таких дискурсивных формул описан в [Пенькова 2020b]). Приведем еще один подобный пример:

(30) И я ихъ *нашолъ* въ томъ правыхъ, и въ книги земски[и] то записано. И тотъ Михаль мовиль передъ нами: тому права не вчинилъ еси мнѣ съ тыми людьми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовиль передъ нами: естли дей *буду* тебѣ съ тыми людьми *не судилъ* и ихъ въ томъ правыхъ *не нашолъ*, шлюся до книгъ — ‘И я ихъ признал в том правыми, и в книги земские это записано. И тот Михаил сказал в нашем присутствии: «Ты меня с теми людьми не судил, передал мне то право». И пан Рачко сказал в нашем присутствии: если [ты утверждаешь, что] я тебя с теми людьми *не судил* и *не признал* их правыми, то я [возражу тебе тем, что] сошлюсь на записи в книгах’ (1510–1517 гг. № 142 Две жалобы Михаила Галшовского земскому маршалку на неправильные действия Бельского судьи Юрия Рачка [РИБ 20:185]).

Предбудущее с такой дубитативной стратегией встречается в других языках Европы, однако представляет в них довольно редкое явление [Пенькова 2019b], ср. приводимый в работе [Шендельс 1970] пример из немецкого языка с таким же соответствием перфект (курсив) — предбудущее (полужирный) при «цитировании»:

(31) — Wo bist du gestern *hingegangen* — Wo **werde** ich **hingegangen sein**? Nach Hause gegangen bin ich. ‘— Куда ты вчера *пошел*? — Куда я **мог пойти**? Домой я пошел’.

Показательно, что все *дубитативные* формулы в грамотах ВКЛ встречаются исключительно в контексте с условным союзом, хотя при этом связь между клаузами, соединенными условным союзом, не является условно-следственной. Такие употребления условных предложений представляют собой своего рода косвенные речевые акты на определенном этапе конвенционализации и прагматикализации — закрепления их в функции косвенного речевого акта, опровергающего высказываемое оппонентом или приписываемое ему, «отменяющего» утверждаемое оппонентом (о понятии прагматикализации как превращении в маркер речевого акта см.: [Diewald 2011]). В чем-то такое развитие близко описанному в [Петрухин 2013] перформативному употреблению сверхсложного прошедшего в западнорусских грамотах, которое тоже «отменяет», аннулирует, однако не свидетельство оппонента, а нечто, установленное более ранним актом.

4. Выводы и перспективы

Материал деловых документов ВКЛ дает возможность сделать сразу несколько важных обобщений, касающихся истории форм предбудущего времени в восточнославянских языках и письменности. Во-первых, предбудущее в западнорусском деловом языке XIV–XVI вв. представляло собой конструкцию, употребление которой определялось совокупностью нескольких факторов: *эпистемической модальностью*, требующей маркеров снятой утвердительности; *нелокализованностью* события (итеративным, экспериенциальным значением, ситуацией-обобщением), а также *синтаксическими* правилами (зависимым характером клаузы). Эти факторы могли действовать как одновременно, так и по отдельности. Признать конструкцию, употребление которой определяется перечисленными факторами, *предположительным наклонением* мешает только то, что она не обладала свойствами грамматической обязательности.

Во-вторых, западнорусский язык является единственным среди славянских языков, а возможно, и единственным среди языков Европы (о предбудущем вне европейского континента, к сожалению, пока известно чрезвычайно мало), в котором предбудущее широко встречается в дубитативных контекстах. В других славянских и в целом европейских языках подобные употребления маргинальны.

Литература

Бандрівський 1960

Бандрівський Д., *Говірки Підбузького району Львівської області*, Київ, 1960.

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору)*, Ужгород, 1960.

Булыка et al. 1988

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І., Свяжынскі У. М., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

Жилко 1955

Жилко Ф. Т., *Нариси з діалектології української мови*, Київ, 1955.

Жовтобрюх et al. 1980

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І., *Історична граматика української мови*, Київ, 1980.

Ипат. лет.

Ипатьевская летопись, изд. 2-е, *Полное собрание русских летописей*, 2, С.-Петербург, 1908.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Литовский Статут 1588

Статут Великого княжества Литовского 1588 года, подг. О. В. Лицкевич, Минск, 2002–2003 (<http://starbel.by/statut/statut1588.html>).

Мозер 2002

Мозер М., Что такое «простая мова»? *Studia Slavica Hungarica*, 47/3–4, 2002, 3–4, 221–260.

Мякишев 2008

Мякишев В. П., *Язык Литовского статута 1588 г.*, Kraków, 2008.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorgora.ru>; последнее обращение: 13.06.2020).

НПЛК

Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку, *Полное собрание русских летописей*, 3, *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000.

Огиенко 1930

Огиенко І., *Українська літературна мова XVI ст. и український Крехівський Апостол*, 1–2, Варшава, 1930.

Падучева 2015

Падучева Е. В. Нереперентные местоимения на -нибудь. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва, 2015.

— 2018

Падучева Е. В., Снятая утвердительность и неверидикативность, В. П. Селегей et al., ред., *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.)*, 17 (24), Москва, 2018, 533–546.

Пенькова 2010

Пенькова Я. А., *Будеть* как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков), *Вопросы русского языкознания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой*, Москва, 2010, 208–215.

— 2012

Пенькова Я. А., Фinitные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис) (Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Москва, 2012).

— 2014

Пенькова Я. А., К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»), *Русский язык в научном освещении*, 1 (27), 2014, 150–184.

— 2017

Пенькова Я. А., К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции, *Die Welt Der Slaven. Internationale Halbjahresschrift*, 62/2, 2017, 247–276.

— 2018

Пенькова Я. А., Славянское предбудущее и его греческие соответствия в переводных древнецерковнославянских памятниках, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 7–35.

— 2019a

Пенькова Я. А., Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение?, *Russian linguistics*, 43/1, 2019, 65–78.

— 2019b

Пенькова Я. А., Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего: анкетирование и корпусные данные, *Вопросы языкознания*, 6, 2019, 7–31.

— 2019c

Пенькова Я. А., Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности, *Slavistična revija*, 4(67), 2019, 569–586.

— 2020a

Пенькова Я. А., Предбудущее и вид глагола в восточнославянской письменности XV–XVII вв. на фоне влияния польского языка, Е. В. Головкин, Е. В. Горбова, П. А. Кочаров, ред., *Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года)*, С.-Петербург, 2020, 304–314.

— 2020b

Пенькова Я. А., Между грамматикой и прагматикой: дубитативное предбудущее в западнорусских грамотах XVI в., А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева, ред., *Вопросы языкознания: мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плуменяна*, Москва, 2020, 504–409.

Пересоп. ев.

Чепіг І. П., Гнатенко Л. А., *Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик*, Київ, 2001.

Петрухин 2013

Петрухин П. В., К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1, 2013, 74–98.

Пещак 1974

Пещак М. М., *Грамоти XIV ст.*, Київ, 1974.

Плуменян, Урманчиева 2017

Плуменян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*, 6, 2017, 2, 13–56.

РИБ 20

Русская историческая библиотека, 20, Литовская метрика, 1, Петербург, 1903.

Русанівський 1965

Русанівський В. М., *Українські грамоти XV ст.*, Київ, 1965.

— 1971

Русанівський В. М., *Структура українського дієслова*, Київ, 1971.

Смирнова 2011

Смирнова Е. А., «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского) (диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Москва, 2011).

Хорошкевич et al. 2015

Хорошкевич А. Л., ред., Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., *Полицкие грамоты XIII – начала XVI вв.*, 2, Москва, 2015.

Шевелева 2008

Шевелева М. Н., О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола быти в русском языке, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 6, 2008, 34–57.

— 2016

Шевелева М. Н., К истории грамматической семантики форм типа хаживал, бивал, бирал в русском языке, *Русский язык в научном освещении*, 2 (32), 2016, 71–90.

Шендельс 1970

Шендельс Е. И. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. Москва, 1970.

Юрковский 1991

Юрковский М., Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв., Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич, ред., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Москва, 1991, 101–113.

Янкоўскі 1983

Янкоўскі Ф., *Гістарычная граматыка беларускай мовы*, Мінск, 1983.

Andersen 2006

Andersen H., The last days of the Russian future perfect, H. L. Andersen, M. Birkelund, M.-B. Mosegaard Hansen, eds., *La linguistique au coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus: Mélanges offerts à Lene Schøsler à l'occasion de son 60e anniversaire*, Odense, 2006, 149–160.

Diewald 2011

Diewald G., Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions, *Linguistics*, 49, 2011, 2, 365–390.

Ernout, Thomas 1964

Ernout A., Thomas Fr., *Syntaxe latine*, Paris, 1964.

Klein 1994

Klein W., *Time in Language*, London, New York, 1994.

Reichenbach 1947

Reichenbach H., *Elements of Symbolic Logic*, New York, 1947.

Stang 1935

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

——— 1939

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Touratier 2000

Touratier C., *Le système verbal français*, Paris, 2000.

References

Andersen H., The last days of the Russian future perfect, H. L. Andersen, M. Birkelund, M.-B. Mosegaard Hansen, eds., *La linguistique au Coeur. Valence verbale, grammaticalisation et corpus: Mélanges offerts à Lene Schøsler à l'occasion de son 60e anniversaire*, Odense, 2006, 149–160.

Bandrivsky D., *Hovirky Pidbuz'koho raionu L'vivs'koï oblasti*, Kiev, 1960.

Bevzenko S. P., *Istorychna morfolohiia ukrains'koï mowy (Narys iz slovozmyny ta slovotvoru)*, Uzhgorod, 1960.

Bulyko A. M., Zhuraŭski A. I., Kramko I. I., Sviazhynski U. M., *Mova belaruskai pis'mennasti XIV–XVIII stst*, Minsk, 1988.

Chepiha I. P., Hnatenko L. A., *Peresopnyts'ke Ievanheliie 1556–1561. Doslidzhennia. Transliterovaniyi tekst. Slovopokazhchyk*, Kiev, 2001.

Ernout A., Thomas Fr., *Syntaxe latine*, Paris, 1964.

Yankousky F., *Historychnaia hramatyka belaruskai mowy*, Minsk, 1983.

Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., Voronin V. A., Grusha A. I., Zhlutko A. A., Squires E. R., Tiul'pin A. G., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v.*, 2, Moscow, 2015.

Klein W., *Time in Language*, London, New York, 1994.

Kuzmina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Miakiszew W. P., *Iazyk Litovskogo statuta 1588 g.*, Kraków, 2008.

Moser M., Chto takoe «prostaia mova»? *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica*, 47/3–4, 2002, 221–260.

Ohyienko I., *Ukrains'ka literaturna mova XVI st. y ukrains'kyi Krekhivs'kyi Apostol*, 1–2, Warsaw, 1930.

Paducheva E. V., Suspended Assertion and Non-veridicality, V. P. Selegey et al., eds., *Computational*

Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialog" 2018 z., 17 (24), Moscow, 2018, 533–546.

Penkova Y. A., Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian, *Slavistična revija*, 4(67), 2019, 569–586.

Penkova Y. A., *Budet'* kak istochnik formirovaniia sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamiatnikov XII–XV vekov), *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoi*, Moscow, 2010, 208–215.

Penkova Y. A., Future Anterior and Aspect in the XVth–XVIIth Century East Slavic Writing on The Background of Polish Influence, E. V. Golovko, E. V. Gorbova, P. A. Kocharov, eds., *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriiami. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maia 2020 goda)*, St. Petersburg, 2020, 304–314.

Penkova Y. A., K istorii slavianskogo vtorogo budushchego: puti semanticheskoi evoliutsii, *Die Welt Der Slaven. Internationale Halbjahresschrift*, 62/2, 2017, 247–276.

Penkova Y. A., Mezhdru grammatikoi i pragmatikoi: dubitativnoe predbudushchee v zapadnorusskikh gramotakh XVI v., *VAProsy iazykoznanii: megasbornik nanostatei. Sbornik statei k iubileiu V. A. Plungiana*, Moscow, 2020, 504–409.

Penkova Y. A., Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 6, 2019, 7–31.

Penkova Y. A., The future anterior in the Old Novgorod dialect: a tense or a mood?, *Russian linguistics*, 43/1, 2019, 65–78.

Penkova Y. A., The Slavic Future Anterior and Its Greek Correspondences in Translated Medieval

Church Slavonic Monuments, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (36), 2018, 7–35.

Penkova Y. A., Towards the Problem of the So-Called "Compound Future II" Semantics in the Old Russian Language (On the Material of the Life of St. Andrew the Fool), *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (27), 2014, 150–184.

Peshchak M. M., ed., *Hramoty XIV st.*, Kiev, 1974.

Petrukhin P. V., K pragmatike sverkhshlozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoi pis'mennosti, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1, 2013, 74–98.

Reichenbach H., *Elements of Symbolic Logic*, New York, 1947.

Rusanivskiy V. M., ed., *Ukrains'ki hramoty XV st.*, Kiev, 1965.

Rusanivskiy V. M., *Struktura ukrains'koho dii-slova*, Kiev, 1971.

Sheveleva M. N., O sud'be drevnerusskikh konstruktii s nezavisimymi formami glagola byti v russkom iazyke, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 2008, 34–57.

Sheveleva M. N., Upon the history of the grammatical semantics of verbal forms like khazhival, bival, biral in Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (32), 2016, 71–90.

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Touratier C., *Le système verbal français*, Paris, 2000.

Yurkovskiy M., Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke XIV–XV vv., G. A. Khaburgaev, A. Bartoshevich, eds., *Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Moscow, 1991, 101–113.

Zhilko F. T., *Narys z dialektolohii ukrains'koi movy*, Kiev, 1955.

Zhovtobryukh M. A., Volokh O. T., Samiylenko S. P., Slynko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koi movy*, Kiev, 1980.

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела лингвистического источниковедения и истории русского
литературного языка
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, 119019, Волхонка 18/2
Россия / Russia
amoena@inbox.ru

Received June 26, 2020